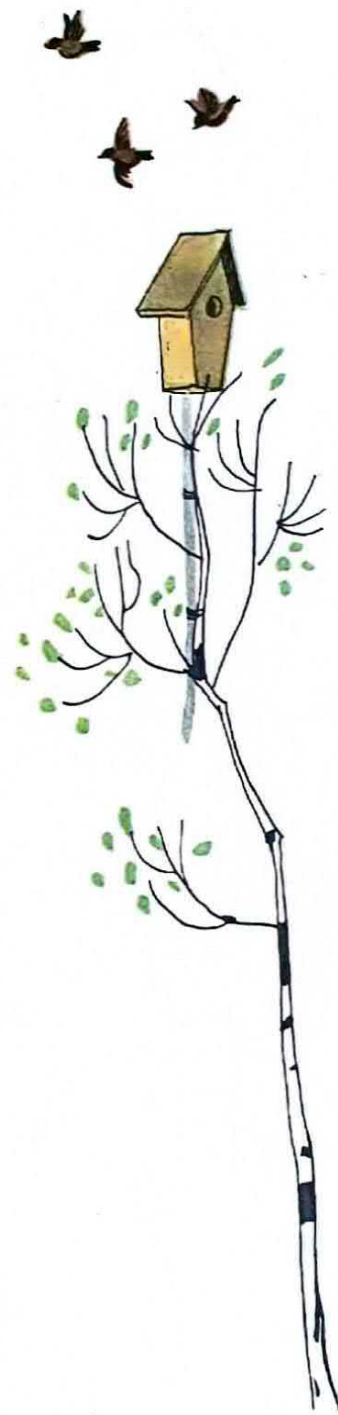

Юрий Ермолаев

**ТРЮЛЬ-
ДРИЛЬ**
или
**БОЛЬШОЕ
СПАСИБО**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1972

Юрий Ермолаев

ТРЮЛЬ ДРИЛЬ

или
БОЛЬШОЕ
СПАСИБО

Рисунки Г. Волыкова

Издательство «МАЛЫШ»

1972

ТРЮЛЬ-ДРИЛЬ, ИЛИ БОЛЬШОЕ СПАСИБО!

Андрюше было всего шесть с половиной лет. Он не мог ещё поехать в пионерский лагерь и потому летом жил на даче у папиной сестры — тёти Клавы. Тётина дача стояла в конце посёлка. За ней через дорогу начинался сосновый бор. Этот лес все жители прозвали певчим, потому что в нём никогда не умолкало пение птиц.

А в саду у тёти Клавы птиц почти не было. Разве что воробьи, которые только и делали, что трещали; точно они были не воробьи, а сороки.

Возвратились как-то Андрюша и Костик, сын тёти Клавы, домой с речки и видят: сидит на кусте жасмина, что растёт у самой дорожки, воробей, да такой худенький, что даже клюв у него вытянулся и стал похож на нос Буратино.

— Надоели мне эти чирикалки! Сейчас я его прогоню, — сказал Костик и поднял с дорожки комок земли.

Но тут воробей открыл клюв и так удивительно защёлкал, что у Костика от неожиданности из рук комок даже выпал.

— Это же соловей! — прошептал Андрюша.

— Он, — подтвердил Костик.

Соловей оборвал пение и, взмахнув крылышками, исчез за кустами.

— В лес полетел, — сказал Костик и вместе с Андрюшей принялся выстрегивать чирика для игры в лапту.

Немного погодя Андрюша снова посмотрел на куст и толкнул Костика в бок: соловей сидел на той же ветке, держа в клюве соломинку. Потом он положил соломинку в развилку между ветками и слетал за новой.

— Никак гнездо вьёт! — ахнул Костик.

— Поможем ему, — сказал Андрюша и, собрав несколько пожелтевших травинок, хотел положить их в гнездо.

Но Костик дёрнул его за рукав.

— В гнездо нельзя, — сказал он, — соловей тогда жить в нём не будет. Клади вон на ту ветку — может, заметит.

Сначала соловей ничего не замечал и по-прежнему летал за соломинками в лес. Но вот он сел на ветку, где лежали Андрюшины соломинки, и, смешно покрутив клювом, точно говоря себе: „Ах, какой же я рассеянный, летаю далеко, а материал под крылом.“ — принялся таскать соломинки в гнездо.

Мальчики чуть в ладоши не захлопали.

Закончив строительство, соловей опять улетел, но очень скоро вернулся. И не один, а с соловьихой. Они сели на ветку рядом с гнездом, и соловей, смешно вертя клювом, стал показывать подруге свою работу.

— Наверное, хвастает, что так быстро сделал, — засмеялся Костик.

Но гнездо оказалось ещё не готово. Соловьиха переворошила все травинки по своему вкусу, потом они стали вместе летать за пухом и устилать им гнездо.

Костик тут же предложил распороть свою подушку и вынуть из неё немного пуху. Подушка не пострадает, а соловьям не придётся летать так далеко. К несчастью, в комнате оказалась тётя Клава, и затея не удалась. Однако и без помощи мальчиков гнездо строилось быстро.

— Теперь не улетят, — радовались они.

Но как раз тут и начались неприятности.

Сначала к тёте Клаве пришла молочница и, прогромыхав почти у самого гнезда бидоном с кружкой, закричала:

— Есть кто дома, а?!

После неё явился почтальон. Он прошёл немного по дорожке, а потом как стукнет по соседнему с гнездом дереву палкой и как крикнет:

— Выходите, пляшите да письма получайте!

Только почтальон ушёл, как в калитку въехал на своём „Орлёнке“ сосед Вовка. Его велосипед скрежетал, как намазанная телега, а сам Вовка орал во всё горло:

— Эй вы, идёте купаться!

Даже Шарик не мог вынести такого шума. Он с громким лаем бросился по дорожке навстречу Вовке, и его кольцо от цепи загромыhalo по проволоке с такой силой, что Андрюше с Костиком показалось, будто возле их дачи приземлился реактивный самолёт.

Соловьи выпорхнули из гнезда и сели на растущую у забора сосну. Увидя это, мальчики выставили Вовку с его „великом“ за калитку и огорчённо вздохнули.

— Не будут они тут жить! — сказал Андрюша.

Костик промолчал. Но немного погодя вдруг решительно заявил:

— Нет, будут! — И зачем-то потянул Андрюшу в сарай.

Оттуда мальчики вышли с лопатами. А через час от калитки к дому пролегла новая дорожка. Прямо от забора она шла в глубь сада, оставляя куст жасмина в стороне.

— А чтоб по старой не ходили, мы вот что сделаем!

Костик притащил откуда-то два столбика и доску. Проход был загорожен.

— Всё в порядке, — сказал Костик, заколачивая последний гвоздь.

— А где же соловьи? — вдруг спросил Андрюша, взглянув на куст.

— Должно быть, за кормом улетели, — предположил Костик.

Но наступил вечер, а соловьи всё не возвращались.

— Распугали соседи! — сердился Костик.

— Мы тоже молотком сильно стучали. Твоя бабушка на что плохо слышит — и то дверь на терраску прикрыла.

— Придёт отец, нам ещё за доски достанется, — сказал Костик. — Давай отобьём их, всё равно теперь ни к чему.

Костик принёс молоток, но вдруг так и замер с поднятой вверх рукой.

— Свирк-трюль-дриль, — пронеслось по саду.

— Прилетели, Андрейка, прилетели! — закричал Костик и счастливо засмеялся: — Поют! Нас благодарят. „Трюль-дриль“ по-соловьиному — большое спасибо!

— Ну да! — ахнул Андрюша, но тут же приложил палец к губам: не спугни, мол, опять.

Мальчики бесшумно сложили инструменты и под соловьиновую трель на цыпочках понесли их в сарай.

ЩЕДРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Летом семилетний Гриша и его брат, шестиклассник Игорь, гостили в деревне у бабушки.

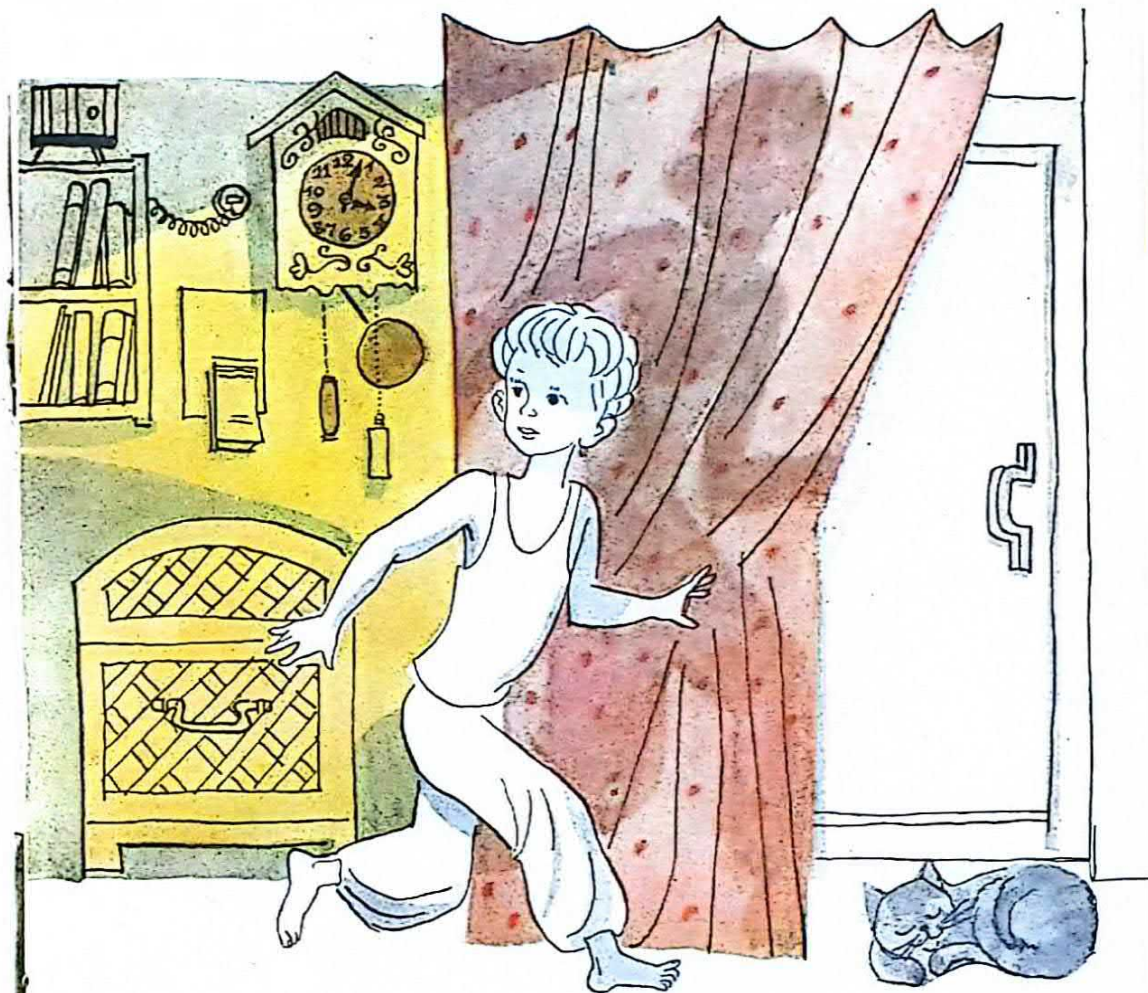
Как-то проснулся Гриша рано утром. Окна бабушкиной избы были ещё синими, точно чернила для авторучки. Полежал Гриша, поверочался и вдруг надумал выйти незаметно на улицу и сложить в поленицу дрова, которые мама с бабушкой распилили вчера вечером, а прибрать не успели.

„Вот утром-то удивятся, кто дрова убрал?“ — улыбнулся своей затее Гриша.

Грише очень нравилось делать что-нибудь хорошее втайне ото всех. Вчера он тоже так поступил: никем не замеченный, спас соседскую девчонку Нюшку от бабушкиного индюка. Гриша в это время сидел на сеновале, а Нюшка с индюком были во дворе. Индюк увидел Нюшку, рассердился, распушился весь и побежал за ней. Говорят, этого индюка голые пятки раздражают. Нюшка на всех парах домой припустилась. Но всё равно не успела бы, если б не Гриша. Вынул он из кармана печёную картофелину, которую ему бабушка дала, и запустил ею в индюка через слуховое окно. Индюк остановился, стал клевать картофелину. Нюшка вбежала на крыльцо, посмотрела на индюка и удивилась: подумала, что это ей случайно так повезло. А Гриша ничего не сказал. Только ходил после да улыбался. Приятно ведь человека из беды выручить, да ещё таким таинственным образом.

Вот и сейчас сложит он потихоньку дрова, и у него новая тайна будет. Ещё интереснее прежней.

Гриша тихо оделся и, осторожно ступая по полу, чтоб не скрипнула ни одна половица, медленно пошёл к двери. Большую, обитую клеёнкой дверь он открывал медленно-медленно, минут, наверное, пять. Можно было открыть и сразу. Но вдруг дверь скрипнет? У бабушки сон чуткий, обязательно проснётся — ведь её кровать рядом с дверью.

Конечно, бабушка не догадается, зачем Гриша во двор собрался. Может, даже проворчит: „Меньше на ночь чая бы пил“. Но утром всё поймёт. Потому и дверь Гриша открывал с такой предосторожностью. В сенях Гриша вытащил засов, которым запиралась наружная дверь, и, впустив в дом кусочек синего рассвета, выскользнул на крыльцо.

Ночь была тёплая. Гриша даже не почувствовал утреннего холодка, хотя натянул на себя только майку. Посмотрел он вокруг и удивился: всё ему незнакомым показалось. Днём дрова были самыми обыкновенными берёзовыми чурками, а сейчас на земле лежали какие-то огромные безусые жуки. Они смотрели на Гришу вытаращенными глазами, а у некоторых даже были раскрыты рты. Гриша, конечно, понимал, что глаза—это сучки, а рты—зарубки от топора. Но всё равно подивился. Он быстро сложил безусых жуков в поленницу у забора и любовался своей работой.

В небе над дровами мигала маленькая серебристая звёздочка.

„Наверное, ей холодно, раз так дрожит,“ — подумал Гриша.

И, точно пожалев звёздочку, над ней вдруг вспыхнула и стала разгораться алая полоса. А звёздочка, чтобы согреться, натянула на себя небольшое одеяло-облачко и исчезла за ним. Гриша посмотрел на него и подумал: „Облака в небе, как пенки от молока“.

Пенок было немного. Но такое удивительное небо Гриша видел впервые. С одной стороны оно было розовым и нежным, а с другой—серым и мрачным. Будто встретились друг с другом Змей Горыныч и Василиса Прекрасная.

Гриша даже не пожалел, что дрова перестали казаться безусыми жуками, а глаза жуков снова превратились в сучки. Он радовался победе Василисы Прекрасной, которая уже отвоевала у Змея Горыныча почти всё небо.

Встретив восход, Гриша побежал домой и, никем не замеченный, юркнул под одеяло. Но только он закрылся с головой, чтобы согреться, как услышал сонный голос Игоря:

— Ты почему так долго во дворе был? Вот скажу маме, что по ночам гуляешь, спать не даёшь.

— Не говори, — попросил Гриша. — Я больше не буду.

— Ладно уж, спи! — снисходительно сказал Игорь, и усвоенный Гриша тут же уснул.

К утреннему чаю Гришу будили все: и мама, и бабушка, и брат.

— Проснись, сынок! — тормошила его мама и, обращаясь к бабушке, говорила: — Вот что значит свежий воздух. В городе Гриша никогда так крепко не спал.

— Поднимайся, соня! — стыдил Гришу Игорь, который, впрочем, сам любил поспать и поваляться в постели. Сегодня он почему-то поднялся раньше обычного.

Проснувшись, Гриша сейчас же посмотрел в окно, а потом на бабушку и маму.

„Неужели ещё не заметили, что дрова убраны? А может, Игорь не утерпел и пожаловался, что я ночью гулял. Но почему тогда мама ничего мне не говорит?“

Бабушка позвала всех к столу и, разливая в чашки под-
румяненное в печи молоко, сказала:

— Разоспался ты, внучек, нынче. А Игорь раньше всех встал. Выхожу я утром во двор, а он у поленницы на солнышке отдыхает после трудов праведных.

— После каких трудов? — спросил Гриша.

— Вон, погляди, какую он поленницу выложил, — подойдя к окну, кивнула головой бабушка.

Гриша не поглядел. Он не мог оторвать своего удивлённого взгляда от брата.

— Ты что... уставился?! — пробормотал Игорь и, чуть заметно покраснев, стал торопливо прихлёбывать молоко, уткнувшись лицом в большую чашку.

Гриша промолчал. Ему стало вдруг ужасно жалко брата. Он обманул бабушку с мамой и к тому же не видел глазастых, безусых жуков, не любовался озябшей звёздочкой, которую согрело одеяло-облачко, не следил за Змеем Горынычем, отступившим перед Василисой Прекрасной.

И только когда бабушка, похвалив Игоря ещё раз, назвала его тимуровцем, Гриша, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Настоящие тимуровцы никогда не говорят о своих делах, — и остался этим вполне доволен.

СЕРДИТЫЕ ПОЛОСКИ

Прибежал Костик из детского сада домой, а чем заняться — не знает. Хотел игрушки на место положить, которые утром разбросал, да бабушка их уже прибрала. Хотел маме помочь обед готовить, а она уже всё сварила. И вдруг папа говорит:

— Ну и холод на улице! Пора окна заклеивать.

— Я тебе помогу, — обрадовался Костя.

— Может, ты лучше в барабан побарабанишь? — предложил папа.

— Нет, я тебе хочу помогать.

— Ладно, — согласился папа, — тогда давай бумагу резать.

Нарезали папа с Костей бумажных полосок, сварили клей из картофельной муки и стали трудиться. Папа сверху окно заклеивает, а Костя — снизу.

Сперва Костя всё, как папа, делал. Намажет бумажную полоску клеем, приложит к окну и тряпочкой пригладит. А потом просто решил клеить, без тряпочки. Мажет и клеит. Мажет и клеит...

„И так не отстанет, — думает. — Зимой холодно. Мороз прихватит — не оторвёшь“.

Кончили, наконец, папа с Костей работу и другим делом занялись. Папа стал газету читать, а Костя к соседу Вовке побежал — делом своим похвалиться.

— Папа сверху окна заклеивал, а я — снизу. Приходи завтра смотреть!

Вернулся Костя домой, лёг спать и вдруг среди ночи слышит, точно кто-то по полу ходит, половицами скрипит. Открыл глаза, посмотрел: нет никого, никто не ходит, в комнате тихо и спят все.

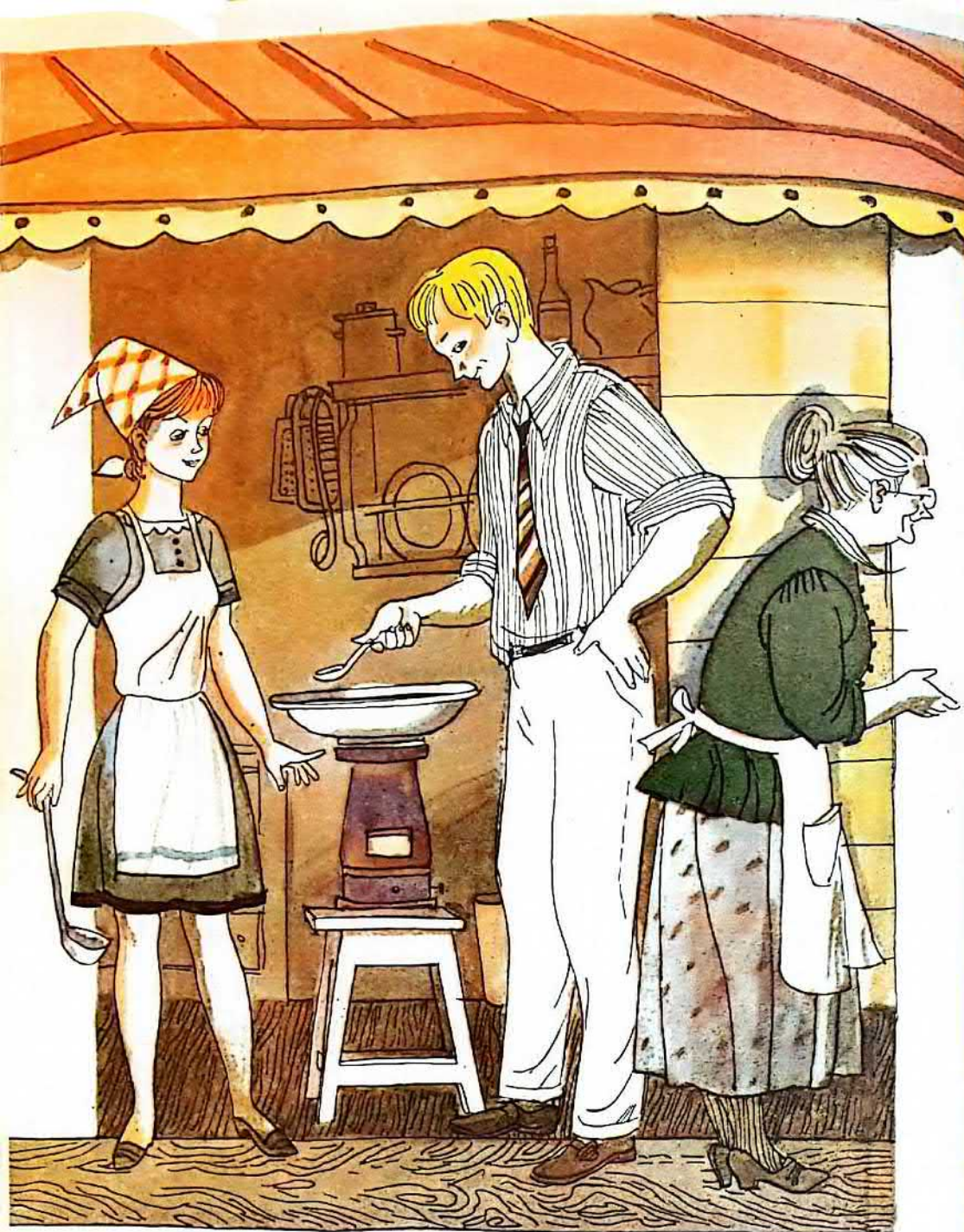
Проснулся Костя утром и сразу про вчерашнее вспомнил. Задумался: „Кто же это ночью у нас в комнате трещал?“ Глянул на окно — и глазам своим не верит. Сверху на окне все полоски целы, а снизу... Снизу лучше и не глядеть, еле-еле держатся, даже в трубочки завились. Удивился Костя,

а тут вдруг что-то опять как треснет, и новая полоска на глазах у него в трубочку завилась...

„Вот, оказывается, кто ночью трещал, — подумал Костя. — Это полоски сердились, что я их плохо приклеил“.

Пришлось всё переделывать. А то придёт Вовка его работу смотреть, а смотреть-то не на что.

ПОМОЩНИЦА

Сидели бабушка, мама и Леночка на веранде и очищали от косточек вишни, чтобы варенье сварить. Только Леночка вишни почти не чистила. Наберёт она целую пригоршню — и в рот. Наберёт — и в рот.

Вечером пришёл папа с работы. Угостила его бабушка вареньем и сказала:

— Сегодня варили.

— И я помогала, — похвасталась Леночка. — Без меня мама с бабушкой ни за что бы так быстро не управились.

— Что верно, то верно, — согласилась бабушка, — крепко нам Леночка помогла. Наберёт целую ладошку вишен — и в рот, наберёт — и в рот. Без неё мы до сих пор всё чистили бы.

ПЛОХОЙ ХУДОЖНИК

В детском саду ребята занимались рисованием. Марина, Женя и Аллочка рисовали карусель, Коля и Миша — автомобиль „Волгу“ с жёлтыми шинами. А Вова — кота в сапогах. Красивый кот у Вовы получился — просто загляденье! Так и кажется, что прыгнет он сейчас с листа бумаги, снимет шляпу с пером и раскланяется.

— Молодец, Вова! — похвалила его воспитательница Анна Ивановна. — Ты прямо настоящий художник.

Обрадовался Вова и, как пошёл из детского сада домой, поднял уголёк и на садовой скамейке кота в сапогах нарисовал. А стал по лестнице подниматься, ещё одного кота нарисовал, у соседей на дверях. Лучшее, чем в детском саду, кот получился: хвост трубой, глаза прищурены.

„Пусть полюбуются“, — подумал Вова и побежал домой.

А утром вышел Вова на лестничную площадку и видит: соседка с тряпкой в руках оттирает Вовин рисунок. И ещё сердится при этом: „Какой отвратительный рисунок!“

„Вот так раз! — удивился Вова. — Анна Ивановна хвалила, а соседка бранится. Как же так?“

Пошёл Вова в детский сад. Проходит мимо скамейки, на которой вчера кота нарисовал, и опять слышит:

— Кто ж это мне всю скамейку испортил? — ворчит дворник дядя Гриша. — Придётся теперь за краской идти да замазать это произведение.

Тут уж Вова совсем приуныл. Пришёл в детский сад хмурый, ни есть, ни пить не хочет.

— Уж не заболел ли ты? — спросила Анна Ивановна.

Не выдержал Вова и сказал:

— Вовсе я не хороший художник, вы мне неправду сказали.

— Почему неправду? — удивилась Анна Ивановна.

Вова и рассказал, что от соседки да от дворника услышал. Ничего не ответила Анна Ивановна, только позвала к себе малышей и сказала:

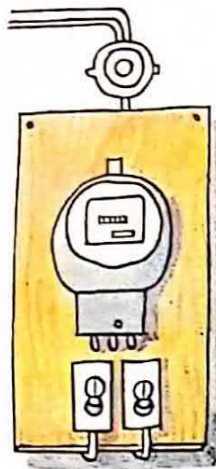
— Давайте заниматься лепкой. Возьмите пластилин и кусочек картона, а ты, Вова, можешь лепить на своём рисунке, — и протянула ему кота в сапогах.

Посмотрел Вова на рисунок и отодвинул от себя коробку с пластилином.

— Жалко на рисунке. Он испачкается.

— Верно, — согласилась Анна Ивановна, — рисунок испачкается. А скамейка, на которой ты рисовал кота, разве не испачкалась? И дверь тоже была белая, а ты её угольком грязной сделал. За что же тебя хвалить?

„Вот оно что...“ — догадался Вова и с этого дня решил рисовать только на бумаге.

КАК Я НАШЁЛ ДРУГА

Нам поставили телефон. Сначала, конечно, открытку прислали, чтобы уплатили за установку и взяли аппарат. А потом пришёл монтёр и сказал:

— Буду ставить вам телефон.

Я в это время был дома один. Монтёр стал крутить на лестничной площадке, в ящике, где электросчётчик, всякие провода и резиновые трубки. Я думал, что у него ничего не получится. Как это можно: покрутил трубки, просунул в них проволоку — и чтоб получилось. Но у него получилось. Поставили нам телефон. Монтёр сказал:

— Можешь кому-нибудь позвонить, проверить, как действует.

— А кому? — спросил я.

— Кому хочешь.

Мне стало неудобно, что некому звонить. Ещё, пожалуй, отключит телефон. Скажет, зачем он, раз звонить некому. Взял я трубку и набрал номер. „Хорошо бы, — думаю, — было занято“. Но я неудачный номер набрал. Свободный. Он как загудит. Даже монтёр услышал:

— Ну, сейчас наговоришься со своим другом.

Знал бы, куда я звоню, не сказал бы этого. А трубка уже спрашивает:

— Кто звонит?

— Я звоню, — отвечаю. Ведь это правда, я же звоню, никто другой.

— А! — говорит трубка мальчишеским голосом. — Это ты, Женька?

— Нет, — говорю, — я не Женька. — И это верно. Меня не Женькой зовут.

— Так это ты, Вовка? — спрашивает трубка.

— Нет, не Вовка тебе звонит, — говорю, — и вообще, ты ни за что не отгадаешь, кто я.

А монтер рядом стоит и улыбается:
— Конечно, не отгадает, раз он не знает, что вам телефон поставили.

А трубка вдруг говорит:

— Это ты, Димка?

Я растерялся.

— Точно, — говорю, — это я. А ты кто?

— Как кто? — удивилась трубка. — Сам звонишь, а спрашиваешь. Я — Витька. Я же с тобой за одной партой сижу.

— Витька? Вот это да! Да не может быть?! — Я ужасно обрадовался. Это же Витька, мой лучший друг! А монтер, наоборот, заволновался:

— Слушай, — говорит, — тебя что, неправильно соединили? Ты не Витьке звонил? — И пошёл в коридор что-то проверять.

А пока он ходил, я вот что выяснил: оказывается, этот мальчик хоть и Витька, но не мой сосед по парте. Он даже

в другой школе учиться, хоть тоже в первом „А“. Но мы всё равно договорились познакомиться. Когда монтер вернулся, я уже кричал в трубку:

— Пока, Витька. Как уроки выучишь, приходи к нам во двор.

— Приду, — согласился Витька, — интересно посмотреть, какой ты.

— И мне интересно, — объявил я.

А монтер всё ещё волнуется.

— Слушай, — говорит, — ты тому Витьке звонил или нет?

— Тому, — говорю, — другому я звонить не могу. У него ещё нет телефона.

— Значит, тому, — успокоился монтер. — Тогда всё в порядке. До свидания. Говори со своим другом сколько хочешь.

Но я не стал больше говорить с Витькой. Я выучил уроки и побежал во двор знакомиться с моим... другом!

РАСТЕРЯХА

Чего только не терял первоклассник Серёжа за свою жизнь: носовые платки, мячики, даже фуражку. А вот ручку с пером потерял в первый раз. И куда она делась? Сейчас урок начнётся, нужно будет буквы писать. А чем? Вот и учительница в класс вошла.

— Выньте тетради и ручки, — сказала она, — будем учиться писать букву „Р“. — И красиво написала на доске эту самую букву. — А какие слова вы знаете на букву „Р“? — спросила учительница и обратилась к Серёже: — Ну-ка, скажи, чем ты сейчас будешь писать?

Тут все ребята закричали:

— Ручкой он будет писать! Ручкой!

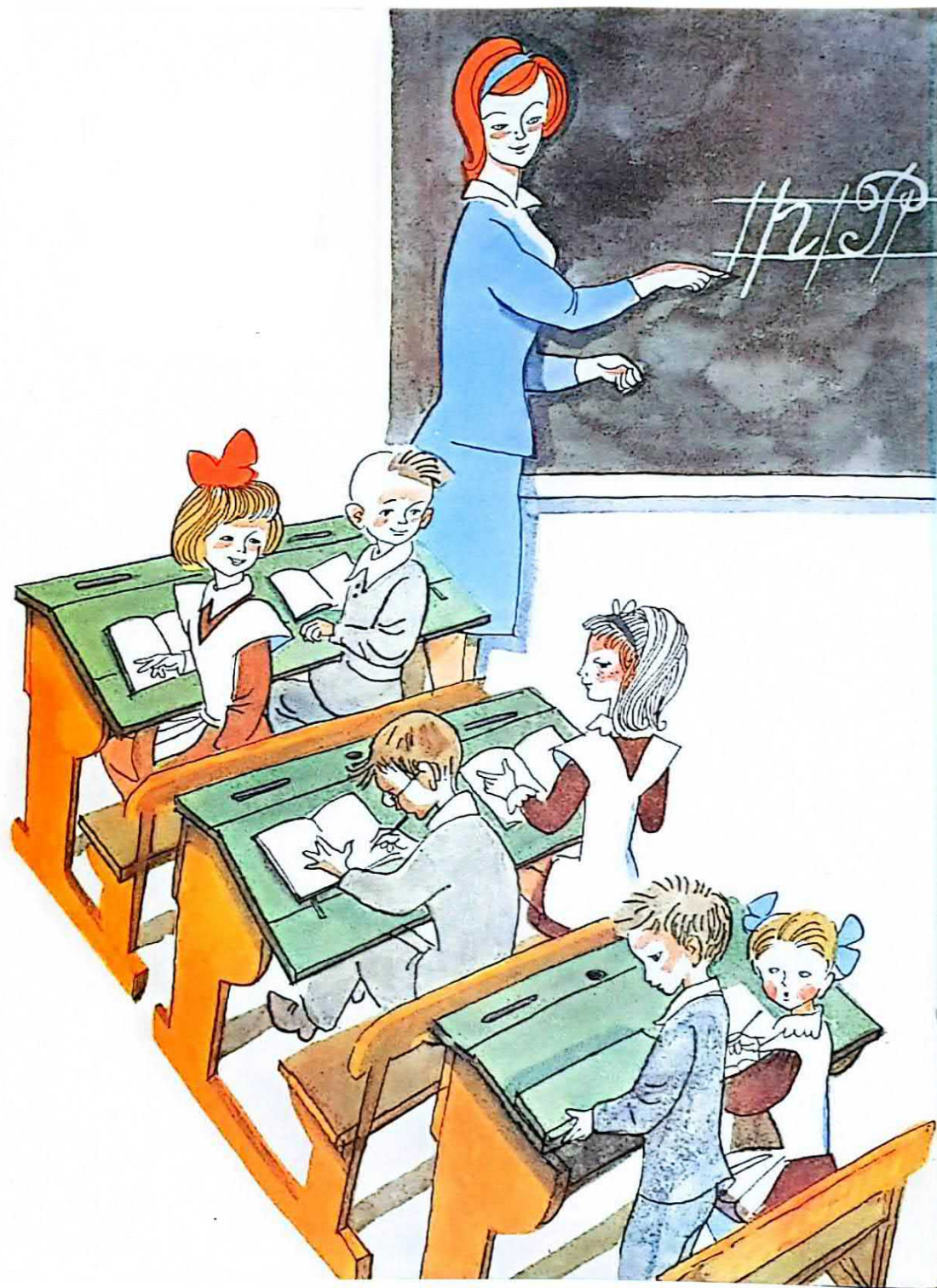
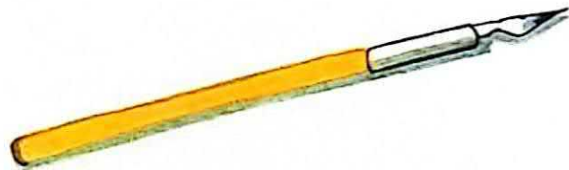
— А вот и не ручкой, а карандашом, — возразил Серёжа. — Ручку я потерял.

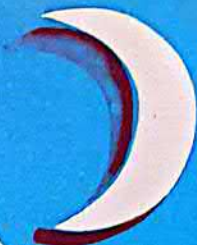
— Анна Ивановна, — сказал Шурик Панков, — можно, я дам Серёже ручку? У меня запасная есть.

— Конечно, дай, — сказала учительница и опять спросила Серёжу: — А ты, Смирнов, всё-таки скажи нам слово, которое начинается на букву „Р“.

Подумал Серёжа, а потом ткнул себя в грудь пальцем и сказал:

— Растеряха!

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
Юрий Иванович Ермолаев
ТРЮЛЬ-ДРИЛЬ, ИЛИ БОЛЬШОЕ СПАСИБО
Художник Р. Вольский

Редактор И. Мачин. Художественный редактор Г. Коптелова.
Технический редактор Е. Слюжова. Корректор Н. Шадрин.
Сдано в производство 13/IV-71 г. Подписано в печать 27/II-72 г.
Бумага № 2 вкл. Ц. Печ. л. 13. Усл.-изд. л. 281. Тираж 150 000.
Заказ № 35. Изд. № 191.

По оригиналам издательства «МДЛШ» Комитета по печати
при Совете Министров РСФСР.

Московский комбинат бумажных изданий Российского государственного промышленного хозяйственного объединения по производству игрушек «Росигрушка» Министерства легкой промышленности РСФСР. Москва, Лесниновская, 30.